

ВЛ. А. ЛУКОВ

**Д. С. Лихачев
и его
теоретическая
история
литературы**

В 2006 г. исполняется столет со дня рождения академика Д. С. Лихачева, крупнейшего отечественного литературоведа, сыгравшего решающую роль в возвращении семивекового наследия древнерусской литературы в актуальное поле русского культурного сознания, человека, ставшего эталоном нравственности ученого-гуманитария. Он окончил Ленинградский государственный университет в 1928 г., получив прекрасное филологическое образование. Перед ним открывались хорошие перспективы научной работы, но роковой поворот судьбы надолго выбивает его из намеченной колеи. Случайная студенческая шутка, превратно понятая властями, приводит к нелепому обвинению в связях с Ватиканом, аресту, суду. Проведя четыре года (1928-1932 гг.) в лагере на Соловках, едва там не погибнув, Д. С. Лихачев сохра-

нил самые светлые черты русской духовности, патриотизма, ответственности перед будущими поколениями и скромности. Хотя обвинения с него были сняты, найти работу после пребывания в лагерях было непросто, и будущий великий ученый с огромным трудом устроился на должность простого корректора. Тем не менее его научные возможности были замечены, и с 1935 г. он начинает печататься, а в 1938 г. поступает на работу в Институт русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде, с которым будет связана вся его дальнейшая научная деятельность (с 1954 г. он возглавлял в ИРЛИ отдел древнерусской литературы). Самым большим жизненным испытанием для ученого стала война и блокада Ленинграда, испытав все ужасы которой, потеряв близких, он не только выжил, но и внес свой вклад в укреп-

ление патриотизма защитников родного города, опубликовав в осажденном Ленинграде в 1942 г. свою первую книгу — «Оборона древнерусских городов» (совм. с М. А. Тихановой). В победном 1945 г. вышли две его книги: «Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVII вв.» и «Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв.». Формирование национального самосознания русских людей и его самобытных форм, отразившихся, в частности, в Новгородском вече, становятся лейтмотивом дальнейших исследований Д. С. Лихачева. Масштабы этих исследований поразительны: ученый опубликовал около 50 книг, из которых наиболее известны работы о возникновении и ранних этапах развития русской литературы и культуры, о «Слове о полку Игореве», о поэтике древнерусской литературы, о «смеховом мире» Древней Руси, о семантике садово-парковых стилей¹, многие из них неоднократно переиздавались, публиковались в переводах на английский, болгарский, венгерский, греческий, датский, испанский, немецкий, нидерландский, норвежский, польский, румынский, сербохорватский, словацкий, украинский, финский, французский, чешский, шведский, японский языки. Д. С. Лихачев выступил ответственным редактором, составителем, комментатором более 75 изданий, среди которых академические издания «Слова о полку Игореве», посланий Ивана Грозного и Андрея Курбского, сказаний и повестей о Куликовской битве, «Повести о Горе-Злочастии» и других важнейших произведений древнерусской литературы², четырехтомной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина³, десятков сборников научных трудов⁴.

Д. С. Лихачев был увенчан самыми высокими учеными степенями и званиями, поставлен во главе крупных научных проектов и различных научных сообществ. Если следовать хронологии его жизненного пути, то можно отметить следующие вехи: 1947 г. — доктор филологических наук, 1951 г. — профессор, 1952 г. — Государственная премия

СССР, 1953 г. — член-корреспондент АН СССР, 1956 г. — член Союза писателей СССР, 1963 г. — иностранный член АН Болгарии, 1964 г. — почетный доктор наук Торуньского университета (Польша), 1967 г. — почетный доктор наук Оксфордского университета, 1969 г. — Государственная премия СССР, член-корреспондент Австрийской академии наук, 1970 г. — действительный член АН СССР, 1971 г. — председатель редколлегии серии «Литературные памятники», иностранный член АН Сербии, почетный доктор наук Эдинбургского университета, 1973 г. — иностранный член АН Венгрии, 1974 г. — председатель редколлегии ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия», 1976 г. — член-корреспондент Британской академии наук, 1979 г. — международная премия Болгарии, 1981 г. — международная премия Болгарии, 1982 г. — почетный доктор наук университета Бордо (Франция), 1983 г. — председатель Пушкинской комиссии АН СССР, почетный доктор наук Цюрихского университета, 1985 г. — почетный доктор наук Будапештского университета, 1986 г. — Герой Социалистического Труда, председатель правления Советского фонда культуры, почетный председатель Международного общества по изучению творчества Ф. М. Достоевского, 1987 г. — иностранный член АН Италии, 1988 г. — член-корреспондент Геттингенской академии наук, почетный доктор наук Софийского университета. В годы перестройки Д. С. Лихачев погружается в политическую деятельность, именно он, будучи депутатом Верховного Совета СССР, внес предложение избирать первого президента СССР не путем всенародного референдума, а голосованием депутатов Верховного Совета, чтобы избежать назревающей конфронтации в стране. Самого Д. С. Лихачева ожидало разочарование в политической деятельности, но он до конца жизни сохранил уважение всего народа, благодаря стойкой позиции мудрого ученого-гуманитария, сторонника социальной справедливости и духовности культуры.

Если попытаться обобщить вклад Д. С. Лихачева в науку, то на первое место можно поставить три позиции: 1) глубокое изучение памятников древнерусской литературы, возвращение их в русский культурный тезаурус в таких масштабах, которые сделали изучение древнерусской литературы и культуры не узкой сферой исследований немногих специалистов, а общенародным культурным проектом; 2) создание и детальная разработка отечественной текстологии как научной дисциплины⁵; 3) выдвижение концепции теоретической истории литературы.

Если две первые позиции получили широчайшее признание, то третья оказалась в тени, а между тем она представляется, может быть, одной из самых перспективных в наследии Д. С. Лихачева.

Концепция теоретической истории литературы была изложена Д. С. Лихачевым во введении к фундаментальному труду «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили»⁶. Поясняя отличие нового типа исследования, ученый противопоставил его «традиционному» (эмпирическому, описательному) исследованию истории литературы: «...Изложение авторами своего понимания процесса развития или просто течения литературы соединяется в традиционных историях литератур с пересказом общеизвестного фактического материала, с сообщением элементарных сведений, касающихся авторов и их произведений. Такое соединение того и другого нужно в учебных целях, нужно в целях популяризации литературы и литературоведения, нужно для тех, кто хотел бы пополнить свои знания, понять авторов и произведения в исторической перспективе. Традиционные истории литературы необходимы и всегда останутся необходимыми»⁷ — и далее: «Цель теоретической истории другая. У читателя предполагается некоторый необходимый уровень знаний, сведений и некоторая начитанность в древней русской литературе. Исследуется лишь характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения

данной страны сравнительно с движением других литератур»⁸.

У Лихачева, таким образом, персонализация истории литературы полностью исчезает — но исчезает из текста исследования, а не из головы исследователя и из головы столь же профессионального читателя. Этим концепция теоретической истории Лихачева заметно отличается от литературоведческих концепций, развившихся на основании системно-структурного подхода.

Термин «системно-структурный подход», закрепившийся в 1960-х годах, был ответом нашего литературоведения на бурный расцвет структурализма на Западе. Его популярность началась в 1955 г., когда появились «Печальные тропики» К. Леви-Стросса, давшие толчок интенсивному формированию «Парижской семиологической школы» (Р. Барт, А. Ж. Греймас, Ж. Женетт, Ц. Тодоров и др.), хотя истоки структурализма восходят к Ф. де Соссюру, а непосредственно в литературоведении — к русской формальной школе⁹.

Ю. М. Лотман и возглавлявшаяся им Тартуская (Тартуско-Московская) школа смогли в сложных условиях отстоять отечественный вариант структурализма, который и был обычно прикрываем (во избежание критики) термином «системно-структурный подход (метод)». Между тем, хотя основания для появления были сходными — стремление под натиском успехов естественно-научного знания, точных наук создать нечто подобное в области гуманитарного знания, которое тоже должно превратиться в «точную науку», — структурализм и то, что следовало бы называть «системно-структурным подходом», оказываются разными явлениями.

Квинтэссенцией западного варианта системно-структурного подхода можно считать положение Р. Уэллека из книги «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена (1949)¹⁰, остающейся одной из главных теоретических работ западного литературоведения: «Перед литературной историей стоит... проблема: по возможности отказавшись от социальной истории, от биографий писателей

и оценки отдельных работ, очертить историю литературы как вида искусства»¹¹. На иных, даже противоположных основаниях, но в итоге сходная мысль прозвучала в 1963 г. в одной из самых знаменитых ранних структуралистских работ Р. Барта «О Расине» (написана в 1959–1960 гг., опублик. 1963): «Отсечь литературу от индивида! Болезненность операции и даже ее парадоксальность — очевидны. Но только такой ценой можно создать историю литературы; набравшись храбрости, уточним, что введенная в свои институциональные границы история литературы окажется просто историей как таковой»¹².

Может показаться, что Д. С. Лихачев именно эту идею положил в основание своей теоретической истории литературы. Но это совершенно не так. Не говоря уже о том, что одной из основных составляющих его концепции является как раз социальная история, он ни в коей мере не отказывается «от биографий писателей и оценки отдельных работ», а лишь не помещает соответствующий материал в текст исследования, полагаясь на знания читателей, иначе говоря, для него это не методологический, а лишь методический принцип.

Между прочим, Р. Уэллек и О. Уоррен вовсе не так нечувствительны к биографиям писателей и анализу их произведений, как вытекает из приведенного тезиса. У первого из них, хотя и вышедшего из «Пражского лингвистического кружка» — одного из истоков структурализма, есть работы о персоналиях как из числа писателей (например, о Достоевском), так и из числа критиков¹³. У второго особо выделяются монографические работы об А. Поупе и Р. Крэншо¹⁴.

Речь все же нужно вести именно о принципе. Но в чем же эта принципиальная сущность системно-структурного подхода? Уэллек указывает, от чего нужно отказаться при построении истории литературы, но только намекает на позитивную часть программы, извлекая ее из аналогии с биологией: «Во главу угла здесь ставится не последовательность изменений как таковая, а ее цель»¹⁵,

и отсюда делается вывод уже для собственно историко-литературного анализа: «Решение состоит в том, чтобы привести исторический процесс к оценке или норме»¹⁶.

Думается, значительно более определенно сформулировал сущность системно-структурного подхода А. Н. Иезуитов в очень значимой для своего времени работе «Социалистический реализм в теоретическом освещении»¹⁷.

Мысль Иезуитова такова: создавая историю литературы, можно идти двумя путями. Первый — путь обобщений историко-литературных фактов. Второй — путь создания общей теории, априорной идеальной конструкции, в свете которой затем осуществляется рассмотрение всего фактического материала. Собственно, только второй путь, по Иезуитову, позволяет создать литературоведение как точную науку, потому что он обеспечивает системность представлений о литературе. Этот путь и избирает автор монографии.

Внешне кажется, что «теоретическая история» Д. С. Лихачева и концепция «теоретического освещения» А. Н. Иезуитова весьма схожи. Если обратиться к биографиям двух ученых, нельзя не заметить, что они работали в одном научном учреждении — Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР, Д. С. Лихачев — с 1938 г., А. Н. Иезуитов — с 1959 г., хотя и принадлежали к разным поколениям (Д. С. Лихачев 1906 г. рожд., А. Н. Иезуитов 1931 г. рожд.).

Но на самом деле их концепции противоположны, и если Иезуитов избрал второй из названных им путей, то Лихачев, представитель первого пути, за два года до появления книги Иезуитова опубликовавший свой труд о теоретической истории литературы, очевидно, и был его мишенью, неназванным оппонентом. Судя по тому, что работа Д. С. Лихачева, несмотря на его авторитет, не переиздавалась в СССР (но вышла на немецком языке в Берлине в 1977 г.), а А. Н. Иезуитов в 1981 г. возглавил сектор теоретических исследований ИРЛИ, а в 1983 г. — весь институт, можно догадаться, кто победил в этом

споре, какая концепция была официально признана (еще одно подтверждение — последующее изменение в обеих биографиях: в 1987 г. А. Н. Иезуитов оставил оба поста, и в том же году работа Д. С. Лихачева, на год раньше удостоенного звания Героя Социалистического Труда, была переиздана в составе его «Избранных работ»).

Вопросы методологии истории литературы обычно существовали отдельно от самой истории литературы, что породило, с одной стороны, целый ряд довольно стройных теоретических построений, с другой — множество историко-литературных работ, вполне традиционных по своей методологии.

Значительное научное и культурное событие — принятие решения о создании многотомной «Истории всемирной литературы» большим количеством отечественных специалистов под эгидой ИМЛИ им. А. М. Горького — института в системе Академии наук СССР — совершенно изменило ситуацию: соединение методологии с огромным, всеохватывающим материалом реального развития мирового литературного процесса стало насущной потребностью филологического знания. Работа заняла два десятилетия, наполненных спорами, обсуждением концепций томов издания.

Стало очевидно, что без новой методологии решить поставленную проблему невозможно. При этом ни сравнительно-исторический, ни системно-структурный, никакой другой из сложившихся или складывающихся научных методов не давал положительных результатов. Именно в этой ситуации и для решения этой задачи был предложен типологический метод исследования. Он позволял преодолеть основное ограничение компаративистики, изучающей контактные литературные взаимодействия, в то время как большую часть исторического времени литературы могли взаимодействовать лишь в рамках регионов.

Академик Н. И. Конрад в ряде работ показал, что в литературах Востока в определенное время происходили те же или сходные процессы, что и в литературах Запада

при отсутствии межрегиональных контактов¹⁸. Он вывел закономерность: «Решающее условие возникновения однотипных литератур — вступление разных народов на одну и ту же ступень общественно-исторического и культурного развития и близость форм, в которых это развитие проявляется»¹⁹. Эта концепция, позволявшая преодолеть как европоцентризм, так и азиациентризм, стала исходной для «Истории всемирной литературы». Типологический подход в более строгой форме, носящей явный отпечаток системно-структурного подхода, был сформулирован И. Г. Неупокоевой, фактически возглавившей коллектив авторов «Истории», в ее фундаментальном труде «История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа»²⁰. Отдельные успехи в применении типологического подхода на обширном материале²¹ не привели к разрешению всех проблем. Из жизни ушли Н. И. Конрад, И. Н. Неупокоева, но ни одного тома «Истории всемирной литературы» так и не появилось.

Ситуация изменилась, только когда к руководству изданием пришел Ю. Б. Виппер, отказавшийся от жесткого проведения типологического подхода. В короткий срок, за четыре года, были выпущены четыре тома (половина издания)²², причем это лучшие тома.

Следовательно, в типологическом подходе, весьма плодотворном, имеется какой-то существенный изъян. Думается, он связан с системой используемых терминов и трактовкой их содержания.

Если в материале типологический подход позволял избежать европоцентризма, то в терминологии европоцентризм снова возвращался. Приходилось в литературах Востока искать свою античность, средние века, Возрождение и т. д., разыскивать в прозе Востока или других неевропейских регионов жанры, сопоставимые с европейским романом (никто же, например, не рассматривал европейскую эпиграмму как форму хокку).

Типологический подход еще более бесполезен перед лицом реального явления:

изменения содержания одних и тех же терминов, применяемых для характеристики разных эпох или культур. Если допустить эти изменения, то сохранится ли типологическая системность в анализе мирового литературного процесса? Нужно отметить, что на этот вопрос не ответила бы и теоретическая история литературы Д. С. Лихачева, так как не затрагивала проблемы изменчивости содержания терминов.

А между тем в отечественной науке уже за несколько десятилетий до этого начала складываться достаточно представительная научная школа, которую в последние десятилетия стали называть Пуришевской научной школой, а с недавнего времени более развернуто: школой Б. И. Пуришева — М. Е. Елизаровой — Н. П. Михальской. Параллельно исследованиям Д. С. Лихачева и на другом материале (в основном в ходе анализа зарубежной литературы) ученые приходили к тем же или сходным методологическим основаниям истории литературы, которые содержались в работах Д. С. Лихачева, но видели и проблему изменчивости содержания терминов. Это обнаруживается в трудах ее основателей Б. И. Пуришева и М. Е. Елизаровой, нынешних ее представителей — старшего (Н. П. Михальская, Г. Н. Храповицкая, вне МПГУ — М. И. Воропанова, З. И. Кирнозе, В. А. Пронин, В. Г. Решетов и др.), среднего (В. Н. Ганин, Е. В. Жаринов, М. И. Никола, Н. И. Соколова, В. П. Трыков, Е. Н. Черноземова, И. О. Шайтанов, вне МПГУ — И. В. Вершинин, Н. Е. Ерофеева, М. В. Кожевников, А. Н. Макаров и др.)²³ и младшего (А. С. Дежуров, А. В. Дудова, Н. Г. Калининкова, А. Р. Ощепков, Н. В. Соломатина, вне МПГУ — О. Ю. Поляков, К. Н. Савельев и др.) поколений.

В рамках школы Б. И. Пуришева — М. Е. Елизаровой — Н. П. Михальской окончательно оформился комплексный подход к изучению литературного процесса, который мы обозначили термином «историко-теоретический подход»²⁴ и который уже несколько десятилетий широко используется в научной среде²⁵.

Одним из важных моментов освоения и формулирования историко-теоретического подхода стала рассмотренная выше концепция «теоретической истории» академика Д. С. Лихачева.

Историко-теоретический подход имеет два аспекта: с одной стороны, историко-литературное исследование приобретает ярко выраженное теоретическое звучание (этот аспект прежде всего разрабатывал Д. С. Лихачев), с другой стороны, в науке утверждается представление о необходимости внесения исторического момента в теорию.

Так, выдающийся философ и филолог А. Ф. Лосев выделил проблему исторической изменчивости содержания научных терминов²⁶. Он при этом ссылаясь на философские положения классиков марксизма. И действительно, В. И. Ленин, опираясь на уже высказанные рядом предшественников идеи, утверждал: «Понятия не неподвижны, а — сами по себе, по своей природе = переход»²⁷; «...человеческие понятия... вечно движутся, переходят друг в друга, сливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»²⁸; понятия должны быть «обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»²⁹. Но характерно, что, цитируя эти положения (даже как бы в обязательном порядке) в теоретических статьях³⁰, ученые советского периода в конкретных исследованиях (особенно в годы бурного развития системно-структурного и типологического методов) были устремлены к прямо противоположной цели: создать в области гуманитарного знания стройную систему однозначно понимаемых терминов с зафиксированным значением, подобную системе математических терминов. Труды А. Ф. Лосева, а за ним С. С. Аверинцева³¹ и других последователей, действительно реализовавших в конкретных исследованиях идею исторической изменчивости содержания терминов, сыграли в нашей стране видную роль в развитии гуманитарного знания как особого вида научного знания, даже несмотря на подозрение в том, что

такая позиция оказывалась близкой к идеям Ф. Ницше, В. Дильтея, Э. Гуссерля, О. Шпенглера, К. Ясперса и других чуждых марксизму мыслителей.

Почему Д. С. Лихачев не придавал особого значения изменчивости содержания научных терминов? Думается, объяснение самое простое: этого не требовал тот материал, который он исследовал, материал достаточно однородный и ограниченный по месту и времени — исследование русской литературы от возникновения до XVII века, и этому локальному на фоне мировой литературы явлению уже выработанный круг также локальных терминов в той или иной степени удовлетворял, а новый тип исследования этого материала потребовал не переосмысления старых, а внесения новых терминов, что и было сделано выдающимся ученым. Историко-теоретический подход рождался не из отрицания «теоретической истории литературы» Д. С. Лихачева, а из расширения сферы ее применения, что поставило дополнительные вопросы перед исследователями.

Именно поэтому мы связываем дальнейшее развитие историко-теоретического подхода с комплексом идей, сформулированных Ю. Б. Виппером и положенных в основу «Истории всемирной литературы», о многотрудной работе по созданию которой говорилось выше, а также с трудами других представителей Пуришевской научной школы, решавших сходные проблемы на материале мировой литературы.

В свете историко-теоретического подхода искусство рассматривается как отражение действительности исторически сложившимся сознанием в исторически сложившихся формах.

Сторонники этого подхода стремятся рассматривать не только вершинные художественные явления, «золотой фонд» литературы, но все литературные факты без изъятия. Они требуют отсутствия «предвзятости» в отборе и оценке историко-литературного материала: будь то недооценка исторической значимости так называемых «малых»

литератур, представление об «избранной» роли литератур отдельных регионов, влекущее за собой пренебрежение художественными достижениями других ареалов, проявление западноцентристских или, наоборот, восточноцентристских тенденций»³².

Одно из следствий историко-теоретического подхода заключается в признании того факта, что на разных этапах и в различных исторических условиях одни и те же понятия могли менять свое содержание. Более того, применяя современную терминологию к таким явлениям, исследователь должен корректировать содержание используемых им терминов с учетом исторического момента.

Историко-теоретический подход дал убедительный ответ на вопросы, требовавшие разрешения, он позволил выявить значительный объем данных для создания образа развития культуры как смены стабильных и переходных периодов.

Этот подход многое дает для создания концепции истории литературы. В свете этого подхода каждая эпоха, каждое литературное направление не должны подгоняться под некую универсальную схему описания, а предстают как вполне самостоятельные системы со своими собственными законами, принципами, акцентами, и научный аппарат нужно приводить в соответствии с реальностью, а не наоборот. Точно так же творчество отдельных писателей, даже наиболее существенные из их произведений рассматриваются как определенные системы с теми же последствиями для их анализа.

Но историко-теоретический подход в применении к отдельным авторам имеет и свои ограничения. Литературный процесс в его реальном выражении, для изучения которого он предназначен, — это основной предмет анализа³³, но объект анализа — литературный поток, вся совокупность огромного числа текстов и литературных фактов³⁴ без четкой их дифференциации и, как говорилось в приведенной выше статье Ю. Б. Виппера, «без изъятия». В этом потоке отдельные писатели, отдельные произведе-

ния теряются, «растворяются», их значение не предпочитается значению других писателей и произведений, подобно тому как в равном положении оказываются «большие» и «малые» литературы. Такой принцип равенства, хороший и объективный в одном отношении, становится необъективным и поэтому неудовлетворительным в другом.

Драматично выглядит сам объем исследуемого материала: все существующие литературные тексты и литературные факты. Даже кратко обозреть такой объем невозможно ни отдельному исследователю, ни целым институтам, притом что и это не дало бы исчерпывающий материал для анализа, так как многие тексты и сведения о литературных фактах (вероятно даже, что большинство) не сохранились, и полнота исследования объекта ставится под сомнение уже не только на субъективных, но и на объективных основаниях. Таким образом, историко-теоретический подход к истории литературы в своем идеальном применении практически невозможен, таит в себе опасность фикции и допущения принципиальных ошибок, как и любой другой из рассматривавшихся научных подходов. Каждый подход, решая одни проблемы и приближая нас к научному пониманию литературы в ее историческом развитии, создает другие проблемы. Значит, ни один из них не может позиционироваться как исчерпывающий и окончательный, а выступает лишь как достаточный на определенном этапе развития филологического знания и применительно к решению определенных задач. Выгодно отличаясь от других современных научных подходов, будь то сравнительно-исторический или типологический, системно-структурный или герменевтический и т. д., тем, что возникла возможность более адекватно описывать реальную историю литературы, причем возможность совершенно другого уровня с точки зрения результативности, историко-теоретический подход все же подчиняется этому закону. Сфера его применимости — описание литературного потока как литературного процесса, но в области изучения персо-

нальных моделей литературного творчества он имеет достаточно скромные результаты, которые связаны прежде всего с очень глубокой трактовкой того фона, на котором эти модели предстают перед исследователем. В этом плане единственно реальной формой описания истории литературы с позиций историко-теоретического подхода остается форма, предложенная Д. С. Лихачевым, — теоретическая история литературы.

Но потеря (хотя бы из описания) живой плоти литературы — писателей и их произведений — основная проблема построения современной истории литературы на этих методологических основаниях.

Однако научный принцип дополнительной подсказывает выход из этого методологического тупика: необходимо использовать какой-то иной подход, создающий по принципу матрицы объемное представление о литературе. Таковым нам представляется общегуманитарный тезаурусный подход, систематическая разработка которого ведется в Институте гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета, а также в рамках деятельности Отделения гуманитарных исследований Российской секции Международной академии наук (IAS, Инсбрук), в других научных коллективах³⁵.

Тезаурусный подход позволяет предложить наряду с историей литературы, построенной в виде характеристики мирового литературного процесса в соответствии с концепцией «теоретической истории литературы» Д. С. Лихачева и историко-теоретическим подходом, историей литературы, анализирующей эволюцию художественных форм в соответствии с концепцией «исторической поэтики» А. Н. Веселовского, создать другую историю литературы — историю персональных моделей.

Так теоретическая история литературы академика Д. С. Лихачева, оттесненная в свое время на периферию отечественного литературоведения, обретает вторую жизнь в методологическом «концерте» гуманитарного знания XXI века.

- ¹ Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве : ист.-лит. очерк. М.; Л., 1950; он же. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952; Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958; он же. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М.; Л., 1961; он же. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962; он же. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; он же. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978; он же. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984; Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986; он же. Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII вв. М., 1987; и др.
- ² Слово о полку Игореве / изд. подготовили Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц, Н. Н. Воронин, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950; Послания Ивана Грозного / подг. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, коммент. Я. С. Лурье, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / изд. подготовили С. Я. Лурье, Ю. Д. Рыков, отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1979; Сказания и повести о Куликовской битве: (Древнерусские тексты и пер.) / изд. подготовили Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева, отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1982; Повесть о Горе-Злочастии / изд. подготовили Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л., 1984; и др.
- ³ Карамзин Н. М. История государства Российского : в 4 т. / подгот. под наблюдением Д. С. Лихачева, С. О. Шмидта. М., 1988–1989.
- ⁴ Среди них: Древнерусская литература и русская литература XVIII–XX веков / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1971; Исследования «Слова о полку Игореве» / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986; Филологические исследования / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1990.
- ⁵ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962 (2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983); он же. Текстология : краткий очерк. М.; Л., 1964; Текстология и поэтика древнерусской литературы XI–XVIII веков / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1977; и др.
- ⁶ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. Переиздание в сост. избранных работ: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили // Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 24–260.
- ⁷ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили // Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 24.
- ⁸ Там же. С. 24–25.
- ⁹ См.: Scholes R. Structuralism in Literature. An Introduction. Yale UP, 1974; Dosse F. Histoire du structuralisme. P., 1991.
- ¹⁰ Wellek R., Warren A. Theory of literature. N. Y., 1949.
- ¹¹ Уэллек Р., Уоррен О. Теория искусства. М., 1978. С. 271.
- ¹² Барт Р. Из книги «О Расине» // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 220.
- ¹³ См., напр.: Wellek R. Four critics: Croce, Valery, Lukacs and Ingarden. Seattle, 1981; etc.
- ¹⁴ См.: Warren A. Alexander Pope as critic and Humanist. Princeton, 1929; Idem. Richard Crashaw: A study in Baroque sensibility. Baton Rouge, 1939.
- ¹⁵ Уэллек Р., Уоррен О. Указ. соч. С. 274.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Иезуитов А. Н. Социалистический реализм в теоретическом освещении. Л., 1975.
- ¹⁸ См.: Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения. М., 1959; он же. Литературы народов Востока и общее литературоведение // Проблемы востоковедения. 1961. № 1; он же. Запад и Восток: Статьи / 2-е изд. М., 1972; и др.
- ¹⁹ Конрад Н. И. К вопросу о литературных связях // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1957. Т. 16, вып. 4. С. 303.
- ²⁰ Неупокоева И. Н. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976.

²¹ См.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада / отв. ред. Б. А. Рифтин. М., 1974; Мелетинский Е. М. Средневековый роман: Происхождение и классические формы. М., 1983.

²² История всемирной литературы : в 9 т. М., 1983–1987. Т. 1–4. В 1988–1994 гг. вышли т. 5–8, где типологический подход снова о себе заявляет (особенно после ухода из жизни Ю. Б. Виппера), но это не столь заметно, потому что речь идет о все большем сближении регионов мира, более коротких исторических этапах, материал становится более однородным, да и более изученным. Последний, 9-й том не вышел. Это связано с глубокими социально-политическими изменениями, произошедшими в России, с тем, что материал тома — современная литература — требует полного переосмысления в свете смены идеологии, переоценки ценностей. Сказывается и атмосфера глубокого методологического кризиса в области литературоведения, разворота в сторону методологий Запада, постмодернизма.

²³ К этому поколению относит себя и автор данной статьи.

²⁴ Впервые термин появился в работе: Лукков Вл. А. [Рец. на кн.:] Л. Г. Андреев. Импрессионизм. Изд-во МГУ, 1980 // Филологические науки. 1981. №4. С. 84–86.

²⁵ См., напр., указание на использование историко-теоретического метода в качестве основы методологии исследования в диссертациях: Трыков В. П. «Героические жизни» Романа Роллана : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1989. С. 1; Ганин В. Н. Поэзия Эдуарда Юнга: Становление жанра медитативно-дидактической поэмы : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1990. С. 2; Ишемгулова Г. М. Драматургия Ж.-Р. Блока (проблема жанра) : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1990. С. 3–4; Шергин В. С. Роман Владимира Набокова «Bend sinister»: Анализ мотивов : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1999. С. 3; Симаков В. С. Жанровая поэтика романов Сирано де Бержерака : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2004. С. 2; Есин С. Н. Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2005. С. 2; и др.

²⁶ См., напр.: Лосев А. Ф. О значении истории философии для формирования марксистско-ленинской культуры мышления // Алексею Федоровичу Лосеву: К 90-летию со дня рождения. Тбилиси, 1983. С. 142–155. Итоговая работа А. Ф. Лосева в этом направлении опубликована посмертно. См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. М., 1994. Кн. 2.

²⁷ Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 206–207.

²⁸ Там же. С. 226–227.

²⁹ Там же. С. 131.

³⁰ См., напр.: Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя; 3-е изд. М., 1972. С. 321; Философский энциклопедический словарь / 2-е изд. М., 1989. С. 494; и др.

³¹ См.: Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения : сб. М., 1986. С. 104–116.

³² Виппер Ю. Б. Вступительные замечания // История всемирной литературы : в 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 5.

³³ Напомним, что термин «литературный процесс» появился в конце 1920-х годов для характеристики исторического существования, функционирования и эволюции литературы как целостности, воспринимаемой в контексте культуры: «Литературный процесс есть неотторжимая часть культурного процесса» (М. М. Бахтин). Историко-теоретический анализ позволил представить эволюцию литературного процесса не как линейное развитие, а как диалектическую смену стабильных и переходных периодов.

³⁴ Напомним, что термин «литературный факт» введен Ю. Н. Тыняновым в статье «Литературный факт» (вошла в сб.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929; переизд.: Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–270) в рамках разработки (совм. с Б. М. Эйхенбаумом) концепции литературного быта. К литературным фактам Тынянов причислил те события и отношения литературной жизни, которые входят в структуру литературы эпохи как целого.

³⁵ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках// Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 93-100; сб. науч. трудов. Вып. 1-7. М., 2005-2006 (статья Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова, Н. В. Захарова, А. Б. Тарасова, Т. Ф. Кузнецовой, И. В. Вершина и др.).